

КОЛЛЕКЦИИ, АРХИВЫ

Л. С. Лаврентьева

«ВАШ ПОКОРНЫЙ СЛУГА»: КОЛЛЕКЦИИ Н.А. ШАБУНИНА В СОБРАНИИ МАЭ РАН

Комплектование коллекций отдела Европы Музея антропологии и этнографии, как иллюстративных, так и предметных, теснейшим образом связано с основными направлениями работы музея и теми задачами, которые стояли перед этнографической наукой на определенных этапах.

Значительную роль в формировании фонда отдела Европы сыграл директор Музея В.В. Радлов (1894–1918 гг.), который организовал планомерное пополнение европейского фонда восточнославянскими материалами, значение которых для этнографической науки учеными в то время еще недооценивалось. «Прекрасный организатор, подлинный “ловец людей”, он обладал талантом практика в отыскании “путей и средств”. С таким талантом, умноженным счастливым даром долголетия, за двадцать пять лет своего управления ему удалось добиться совершенно исключительных результатов» [Штернберг 1907: 60].

Именно В.В. Радлову удалось заразить своим энтузиазмом на пользу отечественной науки и музея значительный круг людей. Среди них были академики и крестьяне, путешественники и купцы, военные и художники, профессиональные ученые, общественные деятели, любители-коллекционеры и коммерсанты [Станюкович 1982: 149].

«Открытые листы», дававшие право на изучения и сбор материала по русскому населению самых различных областей и районов, получали многие корреспонденты МАЭ, в том числе и некоторые художники и фотографы. Одновременно с работой, соответствующей их собственным интересам, они подбирали коллекции для музея, а с громоздких предметов заказывали модели, кроме того, делали большое количество фотографий и зарисовок.

В то время исследователи и собиратели в основном опирались на две программы, по которым они работали. Прежде всего это программа Русского географического общества. В программе РГО подчеркивалась необходимость срочного этнографического изучения отечества и сбора полевых и вещественных материалов, а также давались рекомендации на фотосъемку и на выполне-

ние рисунков. Вторая программа была разработана Тенишевским бюро и содержала похожие рекомендации.

В 1904 г. в МАЭ на работу был принят художник и фотограф, бывший корреспондент музея Николай Авенирович Шабунин. В том же году он был командирован музеем в Мезенский уезд Архангельской губернии для сбора этнографического материала. Выбор региона объяснялся тем, что в центре внимания собирательской деятельности МАЭ все еще оставались предметы архаического быта, которые, как считали, давно исчезли на коренной территории расселения народов, но сохранились на отдаленных изолированных территориях, главным образом у отдельных групп, обитающих на Севере Европейской части страны, в Сибири и в других регионах. И еще один довод: сам Н.А. Шабунин был родом из Мезенского уезда. Родился он в 1866 г. в семье священника. С 1886 по 1896 г. был вольнослушателем Академии художеств в Санкт-Петербурге. За годы обучения в Академии художеств им были написаны многочисленные картины и эскизы. В 1900 г. Николай Шабунин написал портрет А.В. Суворова. В 1901–1903 гг. он работал над полотном «Отъезд А.В. Суворова из села Кочанского в поход 1799 года». В настоящее время эта картина находится в Государственном мемориальном музее А.В. Суворова. В 1903–1904 гг. она была воспроизведена мозаикою в размере более 20,5 кв. м на фасаде этого музея. К сожалению, как отмечали современники, большинство других работ Шабунина осталось исключительно в эскизах и этюдах. Так, им было выполнено большое количество эскизов из жизни учеников Академии художеств. Среди многочисленных работ известны эскизы «Из жизни ссыльных», «Колокольный звон на Пасху», «На краю света» и др. В 1894 г. Н.А. Шабунин получил две малые поощрительные медали, 2(14) ноября 1899 г. он был удостоен звания художника за картину «В ожидании» [Список русских художников 2002: 239].

В статьях, посвященных истории формирования коллекционного фонда отдела русской и славянской этнографии МАЭ, имя Н.А. Шабунина среди крупнейших собирателей коллекций не упоминается. Между тем только в МАЭ (а его коллекции есть и в РЭМ) он передал около 150 предметов и столько же фотографий по русскому населению (колл. 893, 894, 974) и 128 предметов по культуре самоедов Архангельской губернии, которые хранятся в отделе Сибири (колл. 1173, 1164, 1154, 1155). Известная исследовательница Л.В. Хомич отмечает, что фонды МАЭ по европейским ненцам существенно пополнились благодаря собирательской деятельности Н.А. Шабунина [Хомич 1957: 49–56]. Следует заметить, что помимо МАЭ он сотрудничал с Русским музеем Александра III (с 1898 по 1917 г., ныне — Государственный Русский музей). До 1934 г. в Русском музее существовал Этнографический отдел, который выделился в самостоятельный — Государственный музей этнографии народов СССР, ныне — Российский этнографический музей) и с Петербургским обществом архитекторов (с 1870 г.). О тесном сотрудничестве Н.А. Шабунина с Русским музеем императора Александра III говорит и то, что бланки счета Этнографического отдела Русского музея, предназначавшиеся для предметных списков, которыми должны обязательно сопровождать всякого рода посылки с коллекциями, Н.А. Шабунин использовал для своих описаний и набросков.

Цель своего путешествия Н.А. Шабунин определил так: «путешествовавший по окраинам Севера с художественно-научной целью, собирания материала по этнографии» [Опись колл. МАЭ РАН 974: 72].

Три года подряд, начиная с 1904 г., Н.А. Шабунин присылал в МАЭ прекрасные этнографические коллекции (предметы, фотоснимки, стеклянные негативы, рисунки, копии), которые сопровождал подробнейшими описаниями по традиционной культуре русского и самоедского населения Архангельской губернии. И тогда же в музей впервые была прислана коллекция из 35 предметов, в которую вошли только предметы церковного культа: иконы, ризы, покрывала, епитрахили и т.п. Некоторые из них датируются второй половиной XVIII в., а возможно, и более ранним временем.

В Архиве Академии наук хранятся многочисленные письма Н.А. Шабунина и его помощников, которые заканчивали работу после его смерти и не дали погибнуть коллекциям, которые он уже собрал или заказал для МАЭ.

Первые письма Н.А. Шабунина адресованы Л.Я. Штернбергу и были отправлены из с. Юрома 16 октября 1904 г. В это время он даже не знал имени отчества Льва Яковлевича. Вот что писал Н.А. Шабунин в своем письме:

Милостивый государь Л. Штернберг! Весьма сожалею, что не имею чести знать Вашего имени, отчества, а потому невольно приходится начинать с того, что я прошу прощения у Вас в том, что до сих пор не имел возможности уведомить Вас о получении всего мне посланного Вами, т.е. письмо, удостоверение и пластинки (9 дюж.). Дело в том, что я находился в разъездах и получил посылку случайно — проездом через нашу почтовую контору 9-го октября.

Ввиду наступившего крайне неблагоприятного времени и погоды для экскурсий по нашему краю, с трудом позволяющей работать как в избе, так и на воздухе, да и вследствие истощения материала я уже было приготовился к отъезду в Петербург. Но, прочитавши Ваше письмо, я с удовольствием решил остаться на изложенное в письме и тем оказать посильную услугу такому учреждению, как Императорский Музей антропологии и этнографии, и прошу покорнейше Вас как деятельного представителя этнографии принять от меня глубокую благодарность в оказанной мне Вами чести примкнуть к этому великому, крайне необходимому делу антропологии и этнографии. Во мне тоже как-то воплотилась любовь к старине и преследование мысли: собирать бы, хранить бы все то, что было индивидуально, непосредственно, что было когда-то священным и заветным для народа, как он жил, жил на почве религии, устраивался и культивировался.

В нашем необъятном Мезенско-Печерском крае хотя уже и замечается влияние фабрично-мещанского склада, но тем не менее много-много есть непечатых уголков, в коих таится глубокая старина во всей неприкосновенности — самобытности. Мне, как здешнему уроженцу (мой родитель на Мезенском крае был 50 лет священником), хорошо известен свой край, в особенности понятен мне туземный народ с его нравами — его жизнью. Знают и они меня, сами приглашают и охотно рассказывают про свое прошлое.

В настоящее время я уже приступил к делу по изложенному в Вашем письме и постараюсь выполнить все настолько, насколько это будет в силе моих обстоятельств, средств и времени.

Как иногда бывает грустно сознавать, что такое важное и нужное дело должно быть в зависимости от времени и средств. Между тем как время идет, оказывая разрушительное действие на старину, и замечает следы на глазах.

Относительно самоедов и всего им свойственного, то можно заняться этим делом лишь зимою, когда к их становищам будет известен путь и само сообщение или, вернее, способ передвижения к «чуму» будет значительно упрощен и облегчен. А пока можно ограничиться лишь письменными свидетельствами, если, конечно, это является желательным.

Из капищ самоедских мне известны пока три, т.е. где они именно находятся. Но опять пробраться к ним можно лишь зимою. Все эти три капища находятся друг от друга на больших пространствах, и ближайшее из них в настоящее время от меня в 150 верстах, из которых верст 45 можно проехать только на оленях, которые еще очень нескоро выйдут из тундры.

У нас теперь самоеды все, кажется, христиане православные, хотя, не взирая на это, не забывают иногда и своих прежних богов-идолов и почти одновременно приносится жертва, свеча или даже молебен Николаю Чудотворцу и зарезывается собака или олень (смотря по важности случая) пред простым деревянным колышком, вбитым в землю, а оставшийся конец на поверхности, покрытой топорными зарубками, которые и вымазываются как попало горячей кровью несчастного животного.

Итак, я пока ограничусь собиранием материала настолько, чтоб можно было иметь хотя бы общее представление об этнографии на окраине Севера.

По возвращении же моем в Петербург в начале ноября я сочту долгом и обязательно повидаться с Вами, и поговорить лично о делах — этнографии на Севере.

Здесь уже скоро наступит настолько темный период времени, что более 2—2 1/2 часов в день заниматься нельзя, и это продолжается до II-й половины января.

Примите мое уверение.

С искренним уважением Вас. Николай Шабунин

16 октября 1904 г. Мезень, с. Юрома [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 50].

Следующее большое письмо от 4 декабря 1905 г. было написано уже в Петербурге. Тогда Н.А. Шабунин жил на ул. Б. Зеленина, дом 26-Б, кв. 25.

В Музей этнографии и антропологии имени Петра Великого при Императорской Академии наук. Художника Ник. А. Шабунина.

Докладная записка.

Будучи уроженец отдаленных окраин Севера, столь богатого своеобразными памятниками глубокой русской старины, выражающимися в церковных и гражданских постройках, предметах религиозного культа и народного искусства, и желая по сил возможности быть полезным в осуществлении при Музее этнографии и антропологии северного отдела, я имею честь предложить свои услуги и принять участие в собирании всего, что имеет существенное значение и связь с жизнью, религиозным культом, нравами и обычаями среди русских северян и инородцев края: великороссов, зырян, самоедов, кореляков и лопарей, а именно — производить фотографические снимки, зарисовывать наиболее характерные места края, памятники церковных и гражданских построек и их обиход и различные типы, приобретать этнографические предметы, выполнять в соответствующем масштабе модели наиболее типичных построек, домашних предметов и всех типов парусных судов речного и морского промысла, а также записывать характерные для того или иного края тексты песен, сказаний (бы-

лин), «заговоров» и заклинаний знахарей. Чтобы возможно стройнее, последовательнее и характернее представить природу и жизнь северного края, я считаю необходимым совершить 3–4 поездки, причем первую поездку — в местности, населенные самоедами (тундры), так как их быт, религиозный культ и его предметы, и также их капища, по моему мнению, представляют наибольший интерес для этнографического музея. При этом ввиду исключительных условий края и его промышленной жизни необходимо отправиться к берегу Белого моря в первых числах февраля (1906 года), так как с этого времени там начинают скопляться тысячные массы промышленников на морского зверя, охотятся (до конца марта) на блуждающих льдинах моря. По этому берегу (между Двинскою и Мезенскою губою), где будет пролегать мой путь (от Архангельска до города Мезени около 500 верст) раскинуто, кроме массы промысловых избушек, и нескольких больших селений поморов, жизнь которых обособленна и при своеобразных нравах и обычаях. Путь этот, насколько известно, в целях вышеизложенной задачи еще никем не изведен, так как проехать его, посещая селения, можно лишь только зимою и преимущественно на оленях. Селения редки, и на огромных расстояниях — 60–75 верст. Главным же пунктом скопления промышленников является остров Белого моря «Моржевец» в 35 верстах от материка, где я считаю необходимым побывать с промышленниками, пользуясь блуждающим направлением льдин. На этот путь до г. Мезени с работою на о. Моржевец уйдет около пяти недель. От Мезени намечен мною путь, так же еще научно не исследованный, это к селениям, расположенным по берегу Чешской губы (Ледовитый океан), куда он пойдет чрез южную часть Канинской тундры. Путь этот можно совершить также лишь зимою на оленях, и конечный пункт его — село Пёша (Тиманская, или Малоземельская, тундра). От города Мезени до Пёши 270 верст. (В настоящее время с. Нижняя Пёша — селение в Ненецкой АО, находится примерно посередине между Нарьян-Маром и Мезенью. — Л.Л.). Но так как далее на север материка человек уже не живет, то этот путь неизбежен обратно к г. Мезени, причем, следуя по нему, будут попадаться самоедские становища с их чумами, а также и их священные места — капища. Времени на эту ветвь пути с работаю, я полагаю, уйдет не менее 3-х недель.

От Мезени путь идет вверх по реке Мезени и ее притокам: Пёзе и Вашке, где довольно часто расположены деревни, села и изредка выселки. Здесь произойдет неизбежная встреча с весеннею распутицею, благодаря которой произойдет затруднительно передвижение и работа.

Таким образом, I-я экскурсия будет самой продолжительной и займет не менее 4-х месяцев, следующая поездка — в Печерский край к зырянам и в Большеземельную тундру к самоедам — также наиболее целесообразно поехать зимою. А затем на северо-запад от Архангельска: Кемь, Онега, кореляки и лопари (Кольский полуостров) Очень малоизвестный этнографический край Шенкурский, по реке Ваге, и Холмогорский уезд Архангельский.

Итак, первая поездка продлится, как я выше сказал, не менее 4-х месяцев, и протяжение всего верстного пути на лошадях и оленях по точному исчислению, кроме железнодорожного пути от Петербурга до Архангельска и обратно (1,442×2), выразится в 2051 версты (2188 км. — Л.Л.).

Для наиболее успешной работы, мне необходимо иметь «открытый лист» (по глухим проселкам края), а равно как и при езде на оленях (открытый лист силы не имеет). И свидетельство о содействии местных властей к беспрепятственному занятию.

Относительно же предметов древне церковной утвари, одежды и изображений, этим избобилуют некоторые древние церкви и часовни, и часто большое количество церковных предметов, негодные к употреблению за их ветхостью, находится в подвалах церкви, а между тем как им надлежало бы храниться в музеях. Причт же церкви при всем желании избавиться от ненужных вещей не считает себя вправе по отношению епархиального начальства, ни даром, ни за добровольную плату в пользу церкви. А потому администрация музея не найдет ли возможным войти в соглашение с представителями власти Духовного ведомства и исходатайствовать право на приобретение по добровольному соглашению древне церковных предметов, негодных к употреблению настолько, что уже предназначенных к уничтожению <...>

Что же касается затрат на эту первую специальную поездку, то, по моему подсчету, считаясь с общим верстным расстоянием пути в 5935 верст (6321 км. — Л.Л.) и не менее 4-х месячными затруднительными условиями путешествия и работам, то таковые определяются мною в 1200 руб., расходы же на приобретение предметов и изготовление моделей должны быть определены администрацией Музея этнографии и антропологии.

Художник Н.А. Шабунин

Декабря 4-го 1905 г.

СПБург. Пет. Стор. Б. Зеленина ул. Д. № 26-Б, к. В.25. Н.А.Ш. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 324–325 об].

Вот так очень обстоятельно рассказал Н.А. Шабунин о своих планах по сбору материалов и подсказал пути приобретения предметов церковного культа. Все усилия вылились в существенные результаты. Н.А. Шабунин сделал большое количество фотоснимков культовых сооружений (колл. № 974-3, 4, 8 и др.), внутреннего убранства церквей (колл. № 974-27–38) и собрал для МАЭ первую коллекцию по церковной одежде и атрибутам (колл. 894).

Следующее письмо Н.А. Шабунина уже из Мезени от 28 апреля 1906 г. тоже адресовано Л.Я. Штернбергу.

Пропутешествовавши всего около трех тысяч верст, я на некоторое время остановился, так как, во-первых, сильная распутица одолела и остановила невольно, а во-вторых, я сильно устал. До г. Мезени я проехал до 500 верст тундрами и самым берегом моря, посещая очень редкие деревни поморов на этом пути.

Много фотографировал, записывал и приобретал для Музея Александра III-го быт поморов и их промыслов в море зимою.

Из Мезени 12 апреля я выехал далее на Север, имея намерение пробраться к самоедам за Полярным кругом, но, отъехав сто верст (19 — за Полярный круг) от г. Мезени, меня застигла такая столь внезапная и быстрая распутица, что мне положительно не посоветовали ехать дальше. Здесь я встретился с самоедским волостным писарем, старшиною и некоторыми самоедами, узнал, что самое лучшее и удобное с моею целью быть в полярных тундрах летом, так как в конце Канина мыса сосредоточивается жизнь самоедов с огромными стадами оленей. Тут вся их жизнь — быт и промышленность — налицо. Поездка на оленях прекрасная (от становища к становищу) заветным самоедским уголкам тундры, а заниматься одному мало круглые сутки.

В полночь солнце высоко над горизонтом. Из продолжительной моей беседы с самоедским писарем меня положительно заинтересовала жизнь в тундре и сама по себе природа ее. От писаря, давно и прекрасно знающего и понимающего самоедов, я получил различные советы указания и некоторые статистические данные.

Узнав, что без особенного затруднения можно пробраться в тундры морским путем (когда уйдут морские льды), я поспешил вернуться в Мезень на оленях. Тут я немало хватил грозного страха. Самоед на пятерки оленей бойко вез меня возле самого моря по снегу обрывистого узкого берега то по льдинам берега, которые морским приливом... сильно ломало, рвало и еще минут... грозило отнести нас от берега в море, но олени перепрыгивали ледяные овраги, ни раз вниз падали мы с самоедом, кое-как их вытаскивали, а льдины под нами глухо трещат и шевелятся.

Раз олень один провалился в воду, быстро вынырнул, и тоже ему помогли вскарабкаться на льдину. Так я ехал 20 верст, ничего кроме льдин не видя. Остальные 30 верст уже от деревни на Мезень ехал на лошадях и тоже с провалами, но не во льдах моря, а через речки пробираясь и озера. Далее 100 верст по реке Мезени (от г. Мезени) пробраться уже было немислимо, так как я уже два раза перебирался через малые речонки широко и бурно разлившиеся — тонул буквально и почти все промочил. Пластинки большей частью спаслись. Придется часть возобновить, так как еще очень много придется снимать.

Теперь скоро уже установится дорога, и в мае я надеюсь закончить Мезенский край (русские и зыряне), а в июне я поеду в Канинские тундры.

Езда туда и обратно — побольше восьмисот верст и минимум месяц времени, в том числе две-три недели жить с самоедами и ездить по тундре к другим становищам. Для поездки — это лодка и три опытных моряка-проводника, которые выведут к мысу Канина.

Поездка в тундру теперь не так дорога, как требует запас на всякий случай денег, так как в случае недостатка в них нельзя будет никого уведомить ни телеграммой, ни письмом, а потому о чем придется очень сожалеть. Принимая часть расходов этой поездки на себя, я полагаю на основании приблизительных расчетов, что если Вы имели возможность выслать на это пока рублей 300—350, то было бы достаточно на поездку в тундру, покупки у самоедов и русских для Вашего музея этнографии. Конечно, если не подвнут более крупные и ценные приобретения или предметы, которые для них почему-либо особенно дороги и священны, но некоторые в то же время, быть может, будут иметь этнографический интерес. У меня же денег остается весьма немного, а Об-во Архитекторов все еще пока мне не высылает своих денег (150 руб.). Ездить, покупать и фотографировать надо еще очень много.

Относительно ткацкого станка «красна», то я их уже присмотрел и все к ним принадлежности, и сооружения, фотографировал весь процесс работ для тканья, начиная с простой пряжи и как пряжа постепенно с инструмента на инструмент переходит в красна. Словом все стадии работы во время их производства. Все это я решил приобрести, и сами «красна» с работаю — ткачом, а также разного рода прядена (2—3) в своеобразной окраске их. Очень все интересно.

Точильный станок также присмотрел и другое кое-что, новое. Это пока еще не куплено. Буду теперь поджидать денег от Вас [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. № 58. Л. 36—39].

Рис. 1. Н.А. Шабунин в самоедском костюме «совик», на ногах самоедская обувь «пимы» с группой крестьян. МАЭ РАН. Колл. № 974-41

Далее он уточняет, как отправить посылку и просит приобрести для него материалы для фотографирования.

Н.А. Шабунин сообщает, «что 25 сентября вернулся из Канинских тундр в г. Мезень. В Мезени уже считали их погибшими. Предполагали, что поездка эта займет 25–30 суток, а вернулись они только на 65 сутки» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. № 58. Л. 36–39]. Есть письмо от 28 сентября 1906 г. написанное Шабуниним Л.Я. Штернбергу. В октябре-ноябре он пишет еще одно письмо Штернбергу.

Глубокоуважаемый Лев Яковлевич!

Я все еще нахожусь в г. Мезени с тех пор, как вернулся из поездки в Канинские тундры, т.е. наступил уже второй месяц. Дело в том, что я здесь должен был выждать наиболее благоприятного морозного времени, чтоб пробраться на самоедское капище, чтоб исследовать его возможно тщательнее, но пробраться к нему почти невозможно ни в одно из времен года, разве только зимою, куда существует оленья дорога. Для моей задачи зима крайне неудобна, так как все под снегом и обход его с работою немислим. На мое счастье ныне выпал благоприятный конец осени, т.е. наступили морозы, но снегу нет. Узнав, что тундра может поднять даже и лошадь, я с двумя проводниками и две лошади направился к капищу через различные болота. Не доезжая верст 8 до капища, путь пересекла речушка, которая оказалась еще не в состоянии поднять своим льдом лошадь. Оставив при речке лошадей и одного проводника, направился со вторым пешком. Без труда и благополучно дошли до знаменитого для всех самоедов и самого священного места. Это полоса девственного хвойного леса (исключи-

тельно ель и чахлая береза) шириною $\frac{1}{4}$ версты прошла по пустынному месту по болотистой почве на протяжении нескольких десятков верст от берегов устья р. Мезени в северо-восточном направлении.

Та часть леса, в которой находится капище, разделена двумя болотистыми площадями, соединенными просекою. Эта часть леса местными жителями и называется с незапамятных времен «Кузьмин перелесок». Самоеды же место это называют «худыбей-бодъ», т.е. «место, требующее жертв и поклонения». Но пока я на этом остановлюсь — подробное сообщение о нем сделаю Вам по приезду в Петербург.

Зайдя в капище, я сразу был поражен явными живыми и иногда еще сравнительно очень свежими и яркими признаками живущей здесь религии шаманской, исповедуемой самоедами, принявшими здесь христианство в двадцатых годах XIX века. Все капища занимают сравнительно небольшую площадь и только лесную часть, фигурируют главным образом молодые ели и молодые березы, на сучьях которых и стволах я находил много различных привесов: различные веревчатые петли-узлы, части украшений, одежд, оленьей сбруи, саней, кольца обручальные — перстни, части бубенчиков, колокол передового оленя, головной женский убор и прочие предметы, бубны (два) с истлевшей шкурою, черепа оленей с рогами на деревьях, прикрепленных так, что мордою обращен к небу, находил их воткнутые рога в землю (мох), также вверх мордою и настолько сросшие со мхом и обросшие, что рабочие с трудом извлекли красивые ветвистые рога, стараясь сохранить весь их архаический вид. Находил на суку старой ели на высоте человеческого роста два идола в костюмах «тадибея» — жреца (шамана. — Л.Л.). Оба вместе связанные плетеною веревочкою и привязаны к суку. На головах признаки давнишней крови. Величина их около 4-х вершков (17,78 см. — Л.Л.) и еще нашел на стволе ели привешен идол металлический, к сожалению, с отломанною головкою.

Находил такие черепа оленей с большими рогами, что во лбу около рог (видимо, специально) продолблена дыра (с вершок в диаметре) и череп надет на довольно высокий кол, уже подгнивший и также мордою к небу. Затем укреплен высоко на березе череп молодого белого оленя, ярко свидетельствующий о том, что он недавно принесен в жертву, так как на голове еще не испортившаяся шкура и не сползла белая шерсть. Но таких самоедских идолов, колообразных голых с нарезками, каких увидел в Мезени, уже порядочное количество мне попало, но зато я нашел такие любопытные случаи приношения в жертву головы оленя, как, например, череп оленя был надет когда-то на живую ель, т.е. через пробитую во лбу дыру был просунут ствол ели, которая продолжала расти дальше и уже над черепом вытянулись длинные ветви ели. Таким образом, ель вознесла жертву самоеда к «сядаю» до моего прибытия в капище сажени на три слишком от земли. Таких три случая. (Далее Шабунин делает примечание: «В такой форме жертвоприношения едва ли имеет какой другой музей этнографии».) Эти сказочные ели с черепами оленей я сперва фотографировал, затем срубал ель и отпиливал по ту и другую сторону черепа, оставляя ствол с сучьями около аршина с обеих концов.

Да и вообще все, что я находил в большом или сложном интересном положении, сперва фотографировал, а затем рубил. Также и два бубна, через которые вытянулась ель в несколько сажений. Сучки с предметами под корень обламывал, а те березки, которые наиболее густо увешаны на сучках и стволе — забрал всю часть ствола с сучьями и привесами на них.

Кроме того, сфотографировано несколько видов капища и общий вид местности (колл. МАЭ 974. — Л.Л.). Всех стволов и отдельных сучьев до 40, а предметов на них насчитано полагаю около 150, если не больше, черепов с рогами 9 или 10, некоторые с комлем и со стволами, но так как теперь здесь наступает ночной период, то за один день всю работу не кончим, да и на себе тащить до лошадей, оставленных у речки, много было невозможно, но пришлось через несколько дней еще раз побывать на капище, осмотреть и увести остальное, так как второй раз я уже пробрался на лошадях до самого капища, хотя и лошади сильно проваливались на открытых местах тундры. Как я ни старался совершить все это скрыто — выезжая в 3 часа ночи и возвращаясь в то же время, но все-таки многие знают и советуют, не шутя, остерегаться мне отныне самоедов, так как я окончательно разорил их священное место и осквернил.

Все вещи, вывезенные мною из Канина и из капища, на днях уложены в большой ящик и получилось до 8 пудов весу (1 пуд равен 16,38 кг. — Л.Л.). Вещи все больше мелкие и легкие. Но будет еще один небольшой ящик.

Отправить думаю зимою — ныне на Архангельск по ж.д. берут за провоз 60—65 коп. с пуда (от Мезени до Архангельска).

Относительно приобретения различных самоедских саней, кроме тех, о которых я Вам сообщал, нарядные женские выездные сани, стоящие довольно дорого, и никак не меньше их оценивают сами самоеды как от 120 до 175 р. Со снастями — упряжью на 4 оленя. Осмотрев их подробно, как материал, его количество и качество, а главное «египетская» работа плетения и вышивки невольно заставляют примириться с тою ценою.

Эти сани имеет только семья зажиточная, и создаются они годами. Многие работы при санях выполняются по заказу, и есть принадлежности покупаемые, как, например, колокола и другие металлические предметы. Сани эти уже стали уже отживать свой век — моду — стали более редки, а потому если они для музея нужны, то советую надолго не откладывать. И лучше и удобнее, если бы распоряжения сделали нынче же, т.е. пока я здесь. Кстати приобрести и остальные три типа саней:

- 1) сани легковые, или так называемые «подгузенные» — «эдлѣс-хань»,
- 2) сани «ути-о», или «утицы», для перевозки чума или багажа. На эти сани устанавливается и длинный гробообразного вида ящик — «ларь» для провизии и мелких хозяйственных вещей, так что эти «утицы» я бы предложил приобрести с ларем,
- 3) сани возовые — «дровнэ-э».

Когда я в Канине встречал самоедов Большеземельной тундры, то их сани (см. № 1) бросаются в глаза своей конструкцией. Если угодно, то можно и эти сани достать, т.е. с женскими парадными — «пятеры сани».

Дело в том, что теперь их очень бы удобно приобрести и переслать на Архангельск, и недорого, к тому же я сам полагаю ехать из Мезени на Архангельск на оленях (250 верст) по вновь проектируемой дороге на Архангельск. И тогда доставка саней до Архангельска ничего не будет стоить, так как они пойдут в караване с багажом, а между тем как потом переправлять их на Мурманском пароходе морской да по морю да передаче на ж.д. при том провоз с фута, а места 5 саней займут немало. Так что я бы предложил с этим делом покончить теперь, пока я здесь.

Теперь я, как и до исследования капища, работаю в старинных церквях Мезенской губернии. Копирую древние символические иконы и орнаменты. Между ними есть чрезвычайно любопытные и замысловатые по своему

символизму. Все выполняю акварелью в натуральную величину, строго соблюдая характер рисунка (калька) колорит и экспрессию лиц. Таких работ у меня накопилось всего более 40 штук. Скоро здесь работы эти кончаю и через неделю тронусь в русские деревни. Кое-что имеется на примете зарисовать, фотографировать и приобрести да заняться отправкою еще не отосланных приобретений.

Но я все-таки не теряю надежду, что правление музея выплатит мне денег на окончании дома и на дорогу, так как я прямо изнемогаю выполнить без денег, а долг еще есть и притом за много уже из уложенных в ящик вещей не уплачены деньги, я взял их, рискуя упустить из виду. Хотя эти деньги (около сотни) я в крайнем случае, если не вышлите мне из Петербурга, обещал выслать по возвращению моего в Петербург.

Теперь буду ждать, хотя уже давно жду денег от Вас на почтовой станции Большенисогорская — Шабунину Н.А. Архангельск, Мезенского уезда (в настоящее время деревня Большая Нигора, Лешуконского района Архангельской области. — *Л.Л.*). Относительно саней решайте и уведомьте меня...

Преданный Вам Н.А. Шабунин. Мезень 28-ое октября 1906 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 103–106 об].

Вероятно, МАЭ прежде всего был заинтересован в коллекциях по самоодам. В.В. Радлов в своем письме Н.А. Шабунину предупреждает: «О Канинской тундре говорят, что самоеды там значительно обрусели, желательно покупать вещи только старые, которые дошли от дедов <...> Вы должны снять не только все ведущие моменты жизни самоедов в течение какого-то времени, но и неважную жизнь во всех ее видах с раннего утра до часа сна.

1) Утро: внутренность чума со спящими самоедами 2) пробуждение 3) завтрак 4) приготовление пищи 4) пленение детей; 5) житье; 6) собирание ягод; 7) пастьба оленей; 8) запрягание саней; 9) закалывание скота; 10) выделка шкур; 11) ловля оленей арканом» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 146–148].

Действительно, Н.А. Шабунин сделал много снимков о жизни самоедов. Негативы попали в МАЭ, были зарегистрированы в коллекцию под номером 1173, но, к сожалению, сколько было зарегистрировано негативов, не указано. В 1977 г. эта коллекция была исключена как отсутствующая. Тогда же были исключены и негативы из коллекции 1181, которая числилась за отделом Европы. Что же касается культовых предметов с самоедского капища, они добрались до музея и были зарегистрированы в коллекцию под номером 1154. В этой коллекции насчитывалось 44 номера и 44 единицы хранения: фрагменты стволов и веток деревьев с оленьими головами, бубны, палка-идол и другие культовые предметы самоедской культуры. К сожалению, большая часть этой коллекции была утрачена. В настоящее время в коллекции остались следующие предметы: обода от двух бубнов, две оленьих головы с рогами, палка-идол (колл. МАЭ 1154).

Интерес к предметам церковного культа возник не на пустом месте. Дело в том, что в 1887 г. в Архангельске была организована церковно-археологическая комиссия с целью «собирания, сохранения и обследования местных памятников древности и принятия мер против их истребления». Даже предполагалось создать специальный духовный музей.

От духовенства затребовали сведения о храмах и хранящихся в них предметах по XVIII в. включительно, которые заслуживают внимание по оригинальности, художественным качествам и историческим воспоминаниям. Десятки чиновников, священнослужителей ездили по необозримой бездорожной губернии, собирая в храмах, монастырях отслужившие свое время вещи и гибнущие древние архивы, описывали их, издавали. В работе участвовали члены Архангельского общества изучения Русского Севера, Архангельского статистического комитета. В конце XIX — начале XX в. издаются своды приходов, церквей и монастырей.

Кроме того, из писем Н.А. Шабунина мы узнаем, что священником был и его отец («мой родитель на Мезенском крае был 50 лет священником»). Собирателю в его деятельности и дальних и очень трудных поездках по губернии помогал священник Юромского прихода Мезенского уезда Архангельской епархии Аркадий Иссадский. Несомненно, он внес свою лепту в комплектование коллекций для музеев. Именно он после смерти Н.А. Шабунина вел переписку с МАЭ о пересылке коллекций. Кроме того, Н.А. Шабунин в Мезенском крае поддерживал связь со многими людьми, которые ему помогали в сборе материалов и коллекций.

Среди таких помощников оказался Павел Емельянович Осипов. По поручению Н.А. Шабунина он покупал для МАЭ различные вещи от самоедов. Эти предметы были зарегистрированы за отделом Сибири в коллекции 1155, 42 предмета самоедской одежды. А попали эти вещи в музей уже после смерти Н.А. Шабунина благодаря П.Е. Осипову. Сам Павел Емельянович Осипов жил в г. Мезени Архангельской губернии, имел производство теплых оленьих сапог, пимов, туфель, шапок всех фасонов, малиц, приборов для дох, неблюю (шкурки пятимесячного теленка оленя. — Л.Л.), пыжика (шкурки телят оленя. — Л.Л.), оленьих голов с рогами. Н.А. Шабунин покупал у него для музея некоторые вещи. В Архиве РАН хранится счет на вещи, отпущенные Н.А. Шабунину, от 7 мая 1907 г. Так, в этот раз были куплены:

- «малица детская с головой и рубаха пижемская,
- 1 пара пимы илимские нарядные мужские,
- 1 пара пимы илимские нарядные мужские,
- 1 пара пимы женские невестины,
- 1 пара пимы детские,
- 1 пара пимы самоеда Канинской тундры
- 1 пара пимы самоеда рабочие
- 1 пара липты непмойные к пимам,
- 1 костюм самоедки канинской тундры девочки 12 лет,
- 1 пара поницы с / индиной,
- 1 пара пимы с литтами,
- 1 пара штаны
- 1 трех росомахи,
- 1 пояс
- 4 пуговицы литые,
- 1 пара сапоги оленьи»

[СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 204—204 об].

Уже после смерти Н.А. Шабунина П.Е. Осипов продолжает переписку с МАЭ и закупает новые экспонаты. В архиве хранится несколько писем от

П.Е. Осипова, датируемые 1907–1911 гг. Так, из письма от 30 марта 1911 г. мы узнаем, что П.Е. Осипов отправил в музей оленьи санки и упряжи для четырех оленей, женские и мужские костюмы (колл. 1164, 1155). В коллекции за номером 1164 зарегистрировано 42 предмета. Здесь имеются стрелы и луки, копыя для охоты на морского зверя, лыжи, два деревянных календаря, охотничий пояс, сетка для ловли рыбы. Попали в эту коллекцию и предметы из русской культуры, приспособления для обработки шерсти (колл. № 1164-14, 38). Это предположение находит подтверждение в наличии фотоотпечатка Шабунина «Шерстобиты, бьющие шерсть» (колл. № 974-74).

Коллекция 1155 содержит в основном образцы одежды. В первичной описи, составленной в 1907 г., в описаниях к предметам имеются пометки «Получены через г. Осипова». Большая часть предметов от самоедов приобретена Н.А. Шабуниним при содействии П.Е. Осипова. Здесь и зимние шубы из оленьего меха, и обувь для невесты, для замужней женщины, верхняя одежда, сшитая из красного и зеленого сукна. В этой коллекции хорошо представлена детская одежда: зимняя малица, шерстяной плетеный пояс, шапка и пимы — зимняя обувь из белых оленьих камусов — и зимние штаны для девочки, а также несколько детских шубок, штанишек и несколько пар обуви и шапок. Кроме одежды в этой коллекции имеются две куклы из разноцветных полосок сукна, с головой из клюва «водяной» птицы. Есть здесь мешок из тюленьей кожи для хранения муки и три женских сумочки с футлярами для наперстков и игольника. Всего в этой коллекции 42 предмета.

21 марта 1907 г. (после смерти Н.А. Шабунина) Осипов П.Е. составил заявление и отправил его в МАЭ: «В бытность в г. Мезени 1906–1907 годов художника Николая Авенировича Шабунина, по поручению его я покупал для музея разные самоедские вещи. Как то: пимы, малицы и проч. И все это уложено в ящик с его вещами и адресованы на имя музея.

На мои вещи дан г-ну Шабунину подробный счетик, по которому осталось с его дополучить 55 р. 20 к. Покорнише прошу Музей этнографии означенную сумму выслать мне в г. Мезень, или мои вещи (копию счета этих вещей) я вышлю из Мезени.

И, кроме того, г-ном Шабуниним поручено мне собрать от самоедов следующие вещи:

1. Весь прибор для младенца самоеда, люльку, пеленки и пр.
2. Фамильный знак самоеда, т.е. родословная запись.
3. Письма самоедов на палочках
4. Табакерки разные старинные самоеда
5. Пензерко с прибором и с объяснением и еще кое-какие мелочи» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 57, Л. 64–70].

Несомненно, П.Е. Осипов помог довести дело Н.А. Шабунина до конца и собранные ими предметы попали в музей. И потом он продолжал переписку с музеем. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранятся его письма [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 64–70].

Были среди местного населения и другие люди, которые всячески помогали Н.А. Шабунину в сборе вещей для МАЭ. Так, крестьянину села Юрома Ефиму Проковьевичу Лимонникову он заказал пять моделей, которые затем и были отправлены в музей: 1) модель летнего самоедского чума; 2) модель гумна с овином; 3) модель кузницы; 4) модель смолокурни и 5) модель лесной

промысловой избы [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 75]. Все эти предметы добрались до музея, но не были зарегистрированы вовремя и попали в безномерной фонд. И уже в настоящее время эти модели были зарегистрированы в коллекцию 7248: № 1 — амбар, № 2 — баня, № 3 — кузница, № 4 — гумно, № 5 — смолокурня. А вот модель летнего самоедского чума так пока и не удалось обнаружить.

Как уже было сказано, в отделе Европы хранятся две коллекции Н.А. Шабунина, в одной из которых представлена женская и мужская одежда, женские и девичьи головные уборы, украшения, пояса, а также несколько предметов бытового назначения: каталка, скалка, огниво, швейка, образцы пестрядиной льняной ткани. Все предметы собирались у русского населения Мезенского уезда. Описание составлял сам собиратель. Будучи человеком наблюдательным и дотошным, каждую приобретенную вещь для музея он тщательно описывал. Так, в описи мы читаем: «Надевается молодыми женщинами и девицами, идя в церковь, на свадьбах и на церемонии катания с гор в Масленицу», а про штофный сарафан он писал — «надевался в праздничные дни, на свадьбы и в хороводы». Описывая дубовый крест — «надворотник», Н.А. Шабунин указывал: «Кресты-надворотники укреплялись на наружной стене над входом в дом», про «резной кружок» он записал, что им печатался рисунок на ржаных «пряниках», выпекаемых на Рождество для угощения колядующих. Почти все предметы, привезенные Н.А. Шабунин, датируются второй половиной XVIII в.

Будучи художником, Н.А. Шабунин, конечно же, делал много зарисовок. Из писем Н.А. Шабунина к В.В. Радлову мы узнаем, что им подготовлено 40 акварелей (28 октября 1906 г.). К сожалению, в иллюстративном фонде отдела сохранились только два рисунка (потир XVIII в. — чаша для причастия, и изображение церкви и часовни (колл. № 894-5, 6).

Совсем недавно был обнаружен еще один его рисунок карандашом. На нем изображен мастер, работающий на токарном станке.

В одном из писем Н.А. Шабунина мы обнаружили приписку: «P.S. Кроме приобретенных различных станков нашелся первобытного типа большой станок “токарный”, на котором делают деревянные чаши. Предмет довольно архаичный» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 115. Л. 1]. Вероятно, предмет этот так и не был приобретен, но остался рисунок Н.А. Шабунина. Судьба акварелей пока неизвестна.

Просматривая архивные дела, публикации, мы натолкнулись среди собирателей МАЭ и на других Шабуниных. В Архиве РГО хранятся 13 очерков, составленных Кириллом Алексеевичем Шабуниним в промежутке между 1871—1872 гг. Материалы разного плана написаны по Мезенскому уезду. Особый интерес представляет последний очерк К.А. Шабунина «Люди и жизнь в тундре Мезенского уезда. Верования самоедов», 27 стр. [Зеленин 1914: 10—23].

В Российском этнографическом музее имеются две вещевые коллекции (1118, 1142) и две иллюстративные (974, 138), собранные Н.А. Шабуниним. Интересно отметить, что иллюстративные коллекции оформлены от Н.А. Шабунина, а вот на вещевых коллекциях стоит имя «А. Шабунин». Но то, что эти коллекции поступили от Н.А. Шабунина, нет никаких сомнений.

Следует заметить, что в то время людей, которые бы хорошо выполняли свою работу, было не так уж много. Поэтому Н.А. Шабунин много фотографи-

Рис. 2. Две часовни. Рисунок пером Н.А. Шабунина. МАЭ РАН. Колл. № 894-6

ровал, записывал, приобретал коллекции и для Русского музея Александра III, и для Общества архитекторов. Именно в Санкт-Петербургском обществе архитекторов Н.А. Шабунин впервые прочитал доклад «Северный край и его жизнь». Рукопись этого доклада была передана в Отделение русского языка и словесности ИАН. Впоследствии этот доклад был опубликован — «Северный край и его жизнь (путевые заметки и впечатления по северной части Архангельской губернии)». Сборник был издан уже после смерти Н.А. Шабунина. Предисловие к этому изданию было написано академиком Императорской академии наук Н.П. Кондаковым [Шабунин 1908].

Он пишет о Н.А. Шабунине: «Он серьезный труженик, прекрасный живописец. Уроженец Архангельской губернии Шабунин беззаветно любил свой угрюмый край, ежегодно туда возвращался, привозил целую выставку этюдов, больших рисунков, с любопытными эскизами деревянных церквей, погребенных под снегом кладбищ, необыкновенно декоративных этюдов и обрядов северных инородцев <...>

Н.А. Шабунин родился 6 апреля 1866 г. в семье священника Мезенского уезда Архангельской губернии. В 1886 г. он поступил в Академию художеств. По 1896 г. был вольнослушателем. Затем был принят учеником мастерской профессора И.Е. Репина. В 1894 г. получил две малые поощрительные медали,

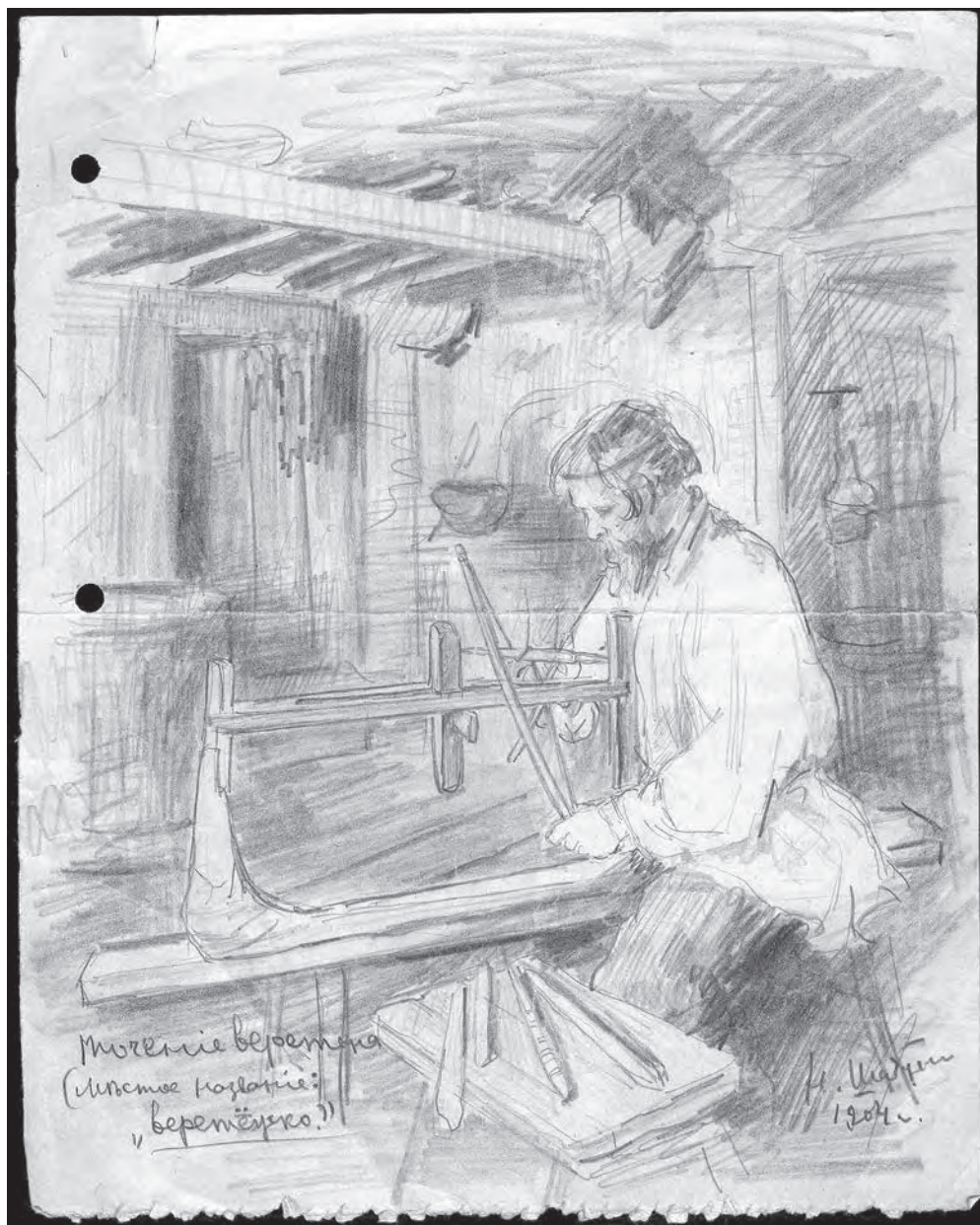

Рис. 3. Мастер за токарным станком. Рисунок Н.А. Шабунина (бумага, карандаш). МАЭ РАН. Колл. № 894-37. Публикуется впервые

2 (14) ноября 1899 г. удостоен звания художника за картину “В ожидании”. <...> Прошло 20 лет, как Н.А. Шабунин покинул свой родной край. И вот он вернулся, чтобы описать уже измененную жизнь края. Он с большим сожалением отмечает: “Новое поколение молодежи совсем уже не знает ни слов, ни мелодии былых песен. Это новшество песен заметно отражается на их нравах и характере жизни...”» [Шабунин 1908: I–II, IX].

Коллекция МАЭ 893 поступила в 1904 г., 20 декабря этого же года Н.А. Шабунин сам ее зарегистрировал. В коллекции насчитывалось 73 номера, 94 еди-

ницы хранения. К сожалению, многие вещи из коллекции были утрачены и списаны в 1977 г.

Описания, выполненные Н.А. Шабуниним, говорят о его глубоком знании местной культуры. Вот с какой точностью и полнотой он рассказывает о традиционной женской одежде на страницах описи 893.

№ 893-1 — «шубейка *лопоть* распашная, расклешенная, из синего штофа с золотыми и серебряными цветами. Шубейка подбита белым заячьим мехом. По бортам и по подолу обшита полоской меха лисьего хвоста. У ворота пришиты шелковые сине-желтые завязки, на поясе завязки из узкой малиновой ленточки. С внутренней стороны на спине у ворота пришита вешалка из полосатой тесьмы. На спинке от ворота заложено пять бантовых складок. Рукава заужены к запястью и присборены по плечу. Пройма прямоугольная. Края рукавов обшиты оленьим мехом. Подобные шубейки надевали молодые женщины и девушки, отправляясь в церковь, на свадьбы и при катании с гор на масленицу».

№ 893-3 — «сарафан *штофник* из красного с синими, золотыми, голубыми и зелеными цветами и листьями штофа. Спереди по центру во всю длину сарафана в два ряда нашит золотой позумент. С внутренней стороны край позумента обшит узким красным шнуром, на который пришивались пуговицы (оловянные, сферические). По краю второго ряда позумента из такого же шнурка сшиты петли. На груди, спине и на лямках нашит золотой позумент. Подол сарафана подшит полосатой тесьмой. Подкладка сшита из нескольких сортов ткани: спереди — полосатая хлопчатобумажная набивная ткань коричневого тона, сзади — холст домашнего тканья. Сарафан штофник надевался в праздничные дни, на свадьбы и в хороводы».

№ 893-9 — «сарафан *гранитурник* — покрой штофника. Назван по ткани, шелковой, лилового цвета. На груди и спине по верхнему краю и на лямках нашит золотой позумент. Спереди по всей длине сарафана нашит двойной ряд позумента. Внутренние края позумента обшиты красным шелковым шнуром, на который с одной стороны пришиты пуговицы, а по другой стороне этим же шнуром образованы петли. Подкладка — из домотканого холста. Сарафан надевался на свадьбы и хороводы».

Как в праздничные, так и в будние дни поверх рубахи и сарафана надевали наплечники. Их шили из покупных тканей (шелка) или из домотканых тканей (пестряди). Эти две традиции и представлены в коллекциях Н.А. Шабунина. В литературе эта нагрудная женская одежда известна под названием «нарукавники».

№ 893-10, 12 — «две пары наплечников из шелка лилового цвета. Рукава из того же шелка. Ластовицы квадратные. На плечах нашиты куски красного шелка, присборенные у ворота. Ворот и разрез спереди (на груди) обшиты узкой полоской желтого шелка. Края ворота связывались тесьмой, продеваемой через две сметанные петли. Стан наплечников сшит из четырех полос: красного шелка на плечах, из шелка-гранитурника по груди и спине, затем из красного набивного ситца и домотканого холста по краю. Подкладка наплечников сшита из красного ситца в мелкую полоску».

№ 893-13 — «наплечники из пестрядиной ткани домашней работы. Рукава к запястью обужены. Края рукавов обшиты узкой полоской красной хлопчатобумажной ткани. Ластовицы квадратные, из ткани малинового цвета. Ворот

Рис. 4. Наряд для хоровода и венчания. МАЭ РАН. Колл. № 974-54

обшит узкой тесьмой с красным орнаментом. Края бортов обшиты красным шнурком, к которому с одной стороны пришиты 5 пуговиц, а с другой — из того шнура сделаны петли».

Штофные или гарнитурные сарафаны обязательно носили с коротеньками. В коллекции Н.А. Шабунина их четыре, из штофа и шелка.

Рис. 5. Крестьянки в душегрейке (коротеньке) и шубейке.
МАЭ РАН. Колл. № 974-52

№ 893-14 — «коротенька из красного штофа с затканными золотой нитью цветами. Спереди по бортам нашит золотой позумент, сзади, между ляжками — то же, на ляжках нашит узкий позумент. Борта застегивались при помощи крючков и петель (металлических). Края коротеньки, перед до лямок, внутренние края лямок и спинная часть между ними обшиты узкой полоской темно-малинового шелка. Наружная сторона лямок и подмышечная часть обшиты серым материалом. Подкладка коротеньки сшита из ситца в красную точечку».

№ 893-15 — «следующая коротенька голубого шелка, затканного серой, красной, розовой, зеленой и желтой шелковой нитью. Спереди по бортам

и сзади между ляжками нашит золотой позумент. Лямки коротеньки сшиты из красного шелка. Подкладка сшита из красной набивной хлопчатобумажной ткани в белую звездочку».

№ 893-16 — «другая коротенька штофная, по розовато-коричневому фону затканы белые, темно-коричневые, голубые, зеленые, розовые и желтые цветы и узоры. Лямки сшиты из той же штофной ткани. Спереди по бортам, на груди и на спине между ляжками нашит золотой позумент. Коротенька спереди застегивалась металлическим крючком и петлей. Подкладка коротеньки сшита из домотканого набивного холста — по красному фону густой белый рисунок».

№ 893-18 — «и еще одна коротенька, штофная, по розовато-коричневому фону затканы коричнево-сине-бело-розовые цветы и узоры. Штоф на коротеньку собран и сшит из отдельных кусочков. Спереди по бортам, краям лямок и сзади между ляжками коротенька обшита узкой полоской темно-синей хлопчатобумажной ткани. Спереди по краю бортов нашит золотой позумент».

В этой коллекции представлены и женские головные уборы. Это и девичья повязка, женские повойники, и платки, и шали. Среди платков есть две косынки. Н.А. Шабунин датирует их XVII в.

№ 893-19 — «повязка — головной убор девушки. Верхняя часть из золотого позумента с затканными серебром цветами. Нижняя — по краям полосы позумента, по центру — кусок фольги. По фольге вышит узор белым бисером. По краю фольги нашиты бисерные подвески, спускающиеся на лоб. Подкладка повязки из кумача. Между кумачовой подкладкой и повязкой проложена плотная бумага. На внутренней стороне повязки внизу, ближе к концам пришиты две петли из оранжевой тесьмы, которые стягивались продетой в них тесьмой с сине-белым рисунком. К углам нижнего края повязки пришиты широкие ленты из кумача и золотого позумента, обшитого золотой бахромой».

№ 893-21 — «платок-косынка. По фиолетовому шелку ручная вышивка золотом цветов. Назначение — надевается иногда при штофнике, нарукавниках, коротеньке и повязке. Надевается, прищипывается на плечи. Причем широкий конец назад и два спускаются с плеч».

№ 893-22 — «платок-косынка, по серо-лиловому фону вышитый золотом и серебром. Он также треугольный, но заколотый булавками надевается на голову как *повойник* замужнею женщиной. Надевается в праздники и на свадьбы».

Подобные платки, как отмечает Н.А. Шабунин, бытовали по северо-восточному побережью Белого моря и начала р. Мезени

Среди головных уборов есть повойники конца XIX и начала XVIII в.

№ 893-23 — «*повойник* парчовый, с выполненным по нему разноцветным шелком рисунком цветка. Цветок-узор должен приходиться на самой голове, разрез, имеющийся на нем, должен приходиться позади, а концы тесемок завязываются спереди». Шабунин называет этот повойник современным (т.е. конец XIX в.).

№ 893-24 — «*повойник* красно-коричневого штофа, шитый узором серебром, подбитый холстом».

№ 893-25 — «*повойник* голубого штофа, шитый пестрыми цветами, шелком и золотом. Подбит ситцем».

№ 893-26 — «*повойник* из красного штофа. Верхняя часть его покрыта золотой вышивкою узором в «ладью». Перед гранитуровый (шелк — канаус), под-

Рис. 6. Платки носили и на голове, закрепив их под подбородком. Молодая замужняя женщина. МАЭ РАН. Колл. № 974-62

бит холстом. Древность — поколение 3-е, носится и ныне. Русские. Мезенский край».

№ 893-27 — описывая повойник из коричневого штофа с золотистыми узорами, верхняя часть которого покрыта вышивкой серебром, Н.А. Шабунин отмечает, что этот головной убор «очень древний».

К древним вещам Н.А. Шабунин относил косник и две шали.

№ 893-28 — «косник выполнен из черной материи, по которой вышит орнамент зеленоватым и малиновым шелком. Он состоит из двух лент, нижние концы которых соединены куском золотого позумента, а верхние заканчиваются бантом. Назначение — девицы вплетают себе в косу в праздники».

№ 893-29 — «шаль выполнена из черного шелка с темно-малиновыми узорами. Левая сторона — бумага. Подобную шаль надевали в праздники и на свадьбы, надевали и девицами при штофных нарядах, складывая его треугольником и накидывая на плечи, спуская два конца спереди, а третий — позади».

№ 893-30 — «другая шаль шелковая, большая, по черному фону которой набивной пестрый и сложный рисунок».

Попали в коллекцию и маличные рубахи.

№ 893-31 — «одна полушелковая»;

№ 893-9 — «другая — ситцевая».

Маличные рубахи надевались в праздничные дни на оленью малицу, которая шьется и носится шерстью внутрь. Носят исключительно молодые мужики — женихи и рекруты. Н.А. Шабунин уточняет, что современный костюм последнее время стал видоизменяться, рубахи носят теперь более темные и спокойных цветов, доходящими до совершенно темного, даже черного, без рисунков.

Маличную рубаху из красного ситца с узорами крестьяне называют «французская маличная рубаха». Малицу — традиционную одежду ненцев и коми — русские крестьяне покупали на ярмарках и базарах. Вероятно, маличные рубахи могли уже шить и сами.

Есть в этой коллекции и два шелковых кушака, которыми подпоясывали малицы или кафтаны. Концы кушака свисали по бокам (№ 893-33, 34).

Как женщины, так и мужчины носили чулки и носки (№ 893-35а,б), они вяжутся из пряденой и окрашенной шерсти пятью спицами. На пятки носков часто нашивали кусочки холста. В коллекции имеются и три пары шерстяных вязаных рукавиц (№ 893-36а,б; 37а,б; 38а,б). Такие рукавицы вязали как в давние времена, так и теперь.

№ 893-39 — рубаха «исцеленница» из «своедельного тканого холста. По подолу вытканый красною бумагою орнамент называется *брани*. *Исцеленница* называется потому, что она сшита из цельных полотнищ холста. Назначение ее — надевается исключительно на сенокосы, где женщины работают без сарафана в одной *исцеленнице*. Обычай и тип древний, но носится и теперь». Так описал Н.А. Шабунин женскую нательную одежду. В коллекции есть еще одна такая рубаха (№ 893-40).

№ 893-41, 42 — «весьбы», так назывались кружева из тканого холста путем выдергивания ниток ткани. По краям орнамент из бумаги сутажного характера. Подобные кружева нашивались на подол женских рубах, на плечи и рукава.

Н.А. Шабунин собрал не только женскую одежду, но и украшения, без которых эту праздничную одежду не носили. Среди украшений есть ожерелья, серьги, кольца и браслеты.

№ 893-46 — «ожерелье составлено из семи ниток мелкого жемчуга, концы которых прикреплены к палочкам, зашитым в шелковые длинные ленточки, которыми завязываются на шее».

№ 893-47 — «второе ожерелье, тоже составлено из семи нитей мелкого жемчуга, концы коих прикреплены к деревянным палочкам, которые зашиты в кусочки красной шелковой материи. Подобные ожерелья надеваются на шею при праздничных нарядах молодыми девицами». Собиратель отмечает, что «подобные украшения носили в старину, а теперь их носят очень редко».

Несколько серег с подвесами (№ 893-48–50а, в, 51а,в,с, 52, 53). Местное название серег — «гуска». Серебряные серьги с подвесами унизаны драгоценными камнями. Подобные серьги надевались в праздники — хороводы или к венцу. Собиратель отмечал, что «гуски» очень старые украшения, но носят их и теперь, а вот подвесы вышли из употребления.

№ 893-56, 57 — «две запонки, серебряные».

№ 893-58 — «мужское кольцо со стеклом в оправе».

Представлены в коллекции и два тканых девичьих пояса (893-62, 64), а также образец поясного тканья (№ 893-63) и пояс круговой, незаконченной работы. Изготавливался техникой «на чурку».

Есть в коллекции и предметы, используемые женщинами в домашнем хозяйстве.

№ 893-71, 65, 66 — швейка, каталка и валец для катания белья после стирки.

№ 893-73/13 — образцы домашней пестрядиной ткани, которая использовалась для шитья мужских рубах, штанов, женских наплечников. Из пестряди в крупную клетку шили сарафаны.

№ 893-70 — образец сукна из серой овечьей шерсти. Сукно употребляли для шитья верхней одежды и голенищ к «катанцам» (валенкам).

Вторая предметная коллекция, собранная для МАЭ Н.А. Шабуниним, представлена предметами церковного культа. В коллекции 894 зарегистрировано 39 предметов.

№ 894-1 — икона крестная деревянная, которая висела над входом в церковь. Рисунки: акварельный, с изображением деревянного потира, и рисунок пером двух часовен и церкви (№ 894-1, 2).

Подризники, ризы, епитрахили, набедренники, воздухи, покрывала, поручи, кушаки и т.п.

№ 894-29 — свеча, которая употреблялась во время пасхальной службы.

Здесь представлен весь набор церковной одежды и других предметов церковного обихода. Эту опись, как и все другие, регистрировал сам Н.А. Шабунин 20 декабря 1904 г. В эту коллекцию входило большое количество копий икон, к сожалению, они не сохранились, так как были выполнены на кальке и раскрашены акварелью. Все предметы одежды священнослужителей в очень плохой сохранности. Они давно уже вышли из употребления и хранились в церковных сундуках.

Конечно, надо остановиться и на иллюстративной коллекции Н.А. Шабунина, зарегистрированной под номером 974. В этой коллекции зарегистрировано более 130 фотоснимков. Многие художники очень быстро освоили фотографию. Почти все фотографии художников отличаются живописностью. На снимках Н.А. Шабунина много видов г. Мезени, различные снимки красивых берегов реки Мезени, очень много фотографий с видами жилых построек.

На снимке (рис. 7) запечатлен дом, как пишет Н.А. Шабунин, «сравнительно богатого крестьянина». Конек этого дома украшают олени рога. В иллюстративной коллекции имеется большое количество снимков, на которых

Рис. 7. Двухэтажный дом зажиточного крестьянина. На коньке дома олени рога. МАЭ РАН. Колл. № 974-85

запечатлены девушки и женщины в праздничных нарядах. На многих фотографиях мы обнаруживаем вещи, которые были куплены Н.А. Шабуниним для музея. Составляя списки с описаниями предметов, приобретенных для МАЭ, собиратель непременно делал рисунки.

Архивные материалы и коллекции Николая Авенировича Шабунина и сегодня представляют большой интерес для исследователей. Эта тема еще не закрыта, а дальнейшая работа позволит собрать все наследие так рано ушедшего из жизни художника, фотографа и исследователя.

Библиография

Зеленин Д.К. Описание рукописей архива Императорского Русского географического общества // Издание Русского Географического общества. Вып. I. Пгр. Тип. А.В. Орлова. 1914. X. 483 с.

Список русских художников / Сост. С.Н. Кондаков. М., 2002. 608 с.

Станюкович Т.В. Памятники материальной культуры народов европейской части СССР и зарубежной Европы // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР / Отв. ред. Т.В. Станюкович. Л., 1982. С. 145–152. (Сборник МАЭ. Т. XXXVIII).

Шабунин Н.А. Северный край и его жизнь (путевые заметки и впечатления по северной части Архангельской губернии). СПб., 1908. 2. П. 44 с.

Штернберг Л.Я. Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук в период 12 летнего управления В.В. Радлова. Ко дню 70 летия В.В. Радлова. СПб., 1907. С. 29–104.

Хомич Л.В. Коллекции МАЭ по этнографии ненцев // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. М.; Л., 1957. С. 49–56. (Сборник МАЭ. Т. XXXV).